В тот миг, когда мягкие губы Жуань Синшу коснулись его собственных, нить рассудка, которую Цзилинь так отчаянно пытался удержать, с сухим треском лопнула.

Это был далеко не первый их поцелуй, но еще никогда атмосфера между ними не была столь тягучей и интимной. Жуань Синшу лежал перед ним — в беспорядке разметавшиеся постельные одежды, рассыпавшиеся по подушкам вороные волосы… Весь его облик так и манил, словно созревший плод, ждущий, когда его наконец сорвут.

Кадык Цзилиня судорожно дернулся. Он смотрел на Синшу, и в этом взгляде мешались едва различимые оттенки: безграничная любовь и тлеющая, застарелая обида.

Цзилинь тешил себя мыслью, что до последнего сохранял ясность ума и выдержку. Но ведь Синшу сам потянулся к нему, сам принялся искушать, настойчиво и без тени сомнения.

Он чувствовал себя путником, который много дней плутал по пустыне и умирал от жажды. Уже потеряв всякую надежду на спасение, он вдруг увидел, как к его пересохшим губам подносят чашу с прохладной ключевой водой.

Разве можно было винить его в том, что он не в силах отказаться?

Взгляд Цзилиня потемнел. Перехватив Жуань Синшу за талию и притянув его ближе, он перехватил инициативу, отвечая на поцелуй с властной жадностью.

В глазах Синшу мелькнула торжествующая улыбка, и он с жаром откликнулся на этот напор.

Трепетало пламя свечи, мерно качался легкий полог кровати. Воздух в комнате, казалось, становился все горячее. Лишь спустя долгое время Цзилинь наконец отстранился. Тяжело дыша, он встал с постели и взял шелковый платок, чтобы вытереть руки.

Жуань Синшу тоже сел, его щеки пылали румянцем. Слегка облизнув покрасневшие и чуть припухшие от поцелуев губы, он негромко рассмеялся:

— Нянцзы, давай я тебе помогу.

— Не нужно, — Цзилинь отступил на шаг, избегая протянутой руки. — Ложись спать, я сам со всем разберусь.

И хотя они не зашли до конца, это было огромным шагом вперед по сравнению с последними днями. Синшу чувствовал себя совершенно удовлетворенным. Решив, что Цзилинь просто разволновался, он мягко улыбнулся:

— Хорошо. Тогда возвращайся скорее, я буду ждать.

— Не жди, — коротко бросил Цзилинь.

Он прошел в купальню с теплыми источниками, но не остановился у края бассейна. Толкнув незаметную каменную дверь в стене, Цзилинь вошел в скрытую за ней пещеру, где находился холодный источник.

Все вокруг было покрыто белым инеем, искрящимся в полумраке, однако вода в ключе не замерзала.

Цзилинь шагнул в воду, чувствуя, как холод сковывает тело. Сквозь поднимающийся пар ему на мгновение почудился образ из прошлого: тот год, когда он только попал в императорский дворец, и озорной юноша, плещущийся в этом самом источнике.

Тогда Жуань Синшу, одетый лишь в тонкие летние одежды, с шумом погрузился в ледяную воду. С трудом сдерживая дрожь и привыкая к температуре, он поднял голову и весело крикнул стоящему на берегу Цзилиню:

— Сяо-шиди, ну скажи, разве я не гений? Пока есть Кристаллы, это место — лучший приют от зноя! Я еще велел добавить в воду целебных трав, это полезно для здоровья. Хватит там столбом стоять, иди ко мне, охладись! Твой дворец просто кошмарен: зимой здесь дубак, а летом — духота невыносимая. Если бы не приказ учителя, я бы давно сбежал! Эй, ты куда? Сяо-шиди! Ну раз уж уходишь, хоть передай мне тарелку с арбузом, она там, на столике!

При воспоминании о тех днях лицо Цзилиня смягчилось, и на губах даже промелькнула слабая улыбка. Но вслед за этим пришло другое воспоминание, выжженное в самой глубине его сердца, — то, которое невозможно забыть.

В тот раз Жуань Синшу лениво полулежал на мягкой кушетке. Его одежды были небрежно распахнуты, обнажая крепкую грудь, а статность и красота затмевали даже окружавших его девиц.

Расположившись среди этих обитательниц борделя, Синшу крутил в руках кубок из белого нефрита. Его щеки раскраснелись, взгляд был затуманен хмелем. Он посмотрел на вошедшего Цзилиня и небрежно усмехнулся:

— А, это наш Сяо-шиди… Чего ты так взбесился? Неужто… и впрямь в меня влюбился?

«… Молчишь? Значит, я угадал».

«Мне просто было скучно, вот и решил поразвлечься с тобой, а ты всё за чистую монету принял…»

«В моих глазах все эти имперские отпрыски тупы как свиньи. Ты ведь одной крови с ними, так

с чего я стану возиться с тобой всерьез?»

«… Кто ты такой, чтобы я выделял тебя среди прочих?»

«Любовь до гроба, клятвы в верности… Надо же быть таким наивным, чтобы верить в эти сказки для дурочек. Ха-ха, Сяо-шиди, не ожидал, что ты такой святоша…»

Каждое слово тогда вонзалось в душу, словно раскаленный нож.

Прошло больше года, но стоило этим фразам всплыть в памяти, как сердце Цзилиня вновь наполнялось горечью. Пыл, охвативший его в спальне, мгновенно угас. Теперь внутри него было так же холодно, как среди инея этой пещеры.

Он крепко сжал кулаки. В противостоянии с Жуань Синшу проигравшим всегда оказывался он. Цзилинь глубоко вдохнул и с головой окунулся в ледяную воду источника.

Он пробыл там долго. Когда он наконец вернулся в спальню, Жуань Синшу, не дождавшись его, уже крепко спал. Цзилинь погасил свечу. Поскольку холод еще не покинул его тело, он лег на самом краю постели, боясь заморозить Синшу.

Но тот, даже пребывая в полузабытьи, почувствовал движение рядом. Он неосознанно потянулся к теплу и, коснувшись ледяной кожи Цзилиня, вздрогнул.

Цзилинь хотел было отстраниться, но Синшу уже собственнически обхватил его руками и ногами.

Даже не открывая глаз, он пробормотал сонно:

— Нянцзы, почему ты такой холодный? Дай, я тебя согрею…

С этими словами он взял руку Цзилиня и засунул ее себе под одежду, прижимая к теплой груди.

— Так-то лучше, правда? — голос Синшу звучал совсем глухо. Цзилинь негромко подтвердил, и только тогда тот окончательно погрузился в глубокий сон.

Слыша ровное и спокойное дыхание спящего, Цзилинь помедлил мгновение, а затем крепко прижал Жуань Синшу к себе.

***

Жуань Синшу проспал до самого рассвета. Когда он открыл глаза, Цзилиня рядом уже не было.

В комнату вошел Нин Юй:

— Бессмертный мастер Жуань, завтрак подан. Желаете встать сейчас?

— Да, — Синшу приподнялся и коснулся рукой постели рядом с собой. Она давно остыла. — Когда ушла моя Нянцзы?

— Бися отбыл почти четыре часа назад.

— Четыре часа? — Синшу на мгновение опешил. — Который сейчас час?

— Уже час Змеи, господин.

— Надо же, как долго я спал, — Синшу торопливо принялся одеваться. — Должно быть, Минцзин заждался? Почему ты не разбудил меня раньше?

— Бися велел дать вам выспаться, — ответил Нин Юй. — К тому же, Бессмертный мастер Жуань, вам не стоит спешить. У господина Оуяна сегодня возникли неотложные дела, он прислал весточку, что навестит вас завтра.

— Опять дела? — удивился Синшу. — Разве Минцзин не придворный лекарь? Шэнь Кэ мертв, раса демонов теперь не в счет — откуда у него столько забот?

Прищурившись, он добавил:

— Неужели что-то случилось?

— Господин, мне не ведомо, что происходит при дворе, — улыбнулся Нин Юй. — Но я уверен: пока Бися в столице, городу ничего не грозит. К тому же господин Оуян — глава своей семьи, у него наверняка хватает и внутренних забот.

Синшу рассудил, что это звучит вполне правдоподобно.

За это короткое время он успел умыться. Повесив влажный платок на стойку, Синшу направился к выходу, но вдруг обернулся и сказал Нин Юю:

— Насчет вчерашнего… Спасибо тебе.

Тот замер в полном недоумении:

— А?

Жуань Синшу улыбнулся, точь-в-точь как кот, укравший сметану.

— Как выберемся из дворца, я приглашу тебя пообедать.

Когда Синшу вышел, Нин Юй еще долго стоял неподвижно. Лишь спустя минуту до него дошло, за что именно его благодарили.

Осознав смысл, юноша побледнел и вздрогнул. Он тут же поклялся себе навсегда выбросить это из головы.

***

***

Бай Чжу стоял на коленях, склонив голову.

— Бися… Цзян Жун… он сбежал. Ваш слуга заслуживает смерти.

Рука Цзилиня, выводившая иероглифы на свитке, на мгновение замерла, но затем он как ни в чем не бывало продолжил писать.

— Поднимись.

— Но Бися… — начал было Бай Чжу.

Цзилинь поднял взгляд и повторил:

— Поднимись.

— Слушаюсь.

Заметив досаду на лице командира гвардии, Цзилинь произнес спокойным, бесстрастным тоном:

— Тебе не в чем себя винить. Цзян Жун — не просто любимец Шэнь Кэ, он его лучший ученик,

которого тот воспитывал лично. То, что он сумел уйти, было ожидаемо.

Бай Чжу ошеломленно замер:

— Бися, неужели вы знали заранее? Тогда сегодня…

В этот момент снаружи раздался чистый, звонкий голос:

— Цзян Жун тяжело ранен. Даже если он выживет, ему потребуются годы, чтобы восстановить силы. Можете считать, что в этой битве победа осталась за нами.

Бай Чжу обернулся и увидел Оуян Минцзина.

Глаза лекаря по-прежнему были скрыты белой шелковой повязкой, но его одежда разительно отличалась от той, что он носил обычно. Вместо привычных расшитых шелков на нем был черный облегающий костюм воина, а у пояса висел Чиянь.

В этом облике не осталось и следа от его привычной изящности и мягкости. Теперь Оуян Минцзин напоминал обнаженный клинок — опасный и стремительный.

Он вошел в кабинет и встал рядом с Бай Чжу.

Тот не скрывал изумления:

— Господин Оуян, так тем таинственным мастером в маске были вы?

Вспомнив, какой сокрушительной мощью обладал этот человек во время засады на Цзян Жуна, Бай Чжу не удержался от похвалы:

— Вы истинный мастер, скрывающий свои таланты. Столько лет я и понятия не имел о вашей силе. При случае нам непременно стоит скрестить мечи.

Минцзин лишь слегка улыбнулся:

— Если сам командир Бай так высоко оценил мои скромные навыки, значит, я и впрямь чего-то стою.

— Вы слишком скромны, господин Оуян, — отозвался Бай Чжу.

Они обменялись еще парой фраз, и когда в кабинете воцарилась тишина, Цзилинь спросил:

— Ну и?

Вопрос предназначался лекарю.

— Цзян Жун — прямой преемник Шэнь Кэ, — заговорил Оуян Минцзин. — Наверняка тот обучил его всем тайным техникам расы демонов. Мы с командиром Баем загнали его в угол, вынудив применить всё, на что он был способен ради спасения жизни. Судя по его приемам — коварным и жестоким, — в техниках расы демонов нет ничего, что могло бы так избирательно стирать память.

Минцзин обладал выдающимися медицинскими познаниями, и если он делал такой вывод, значит, был в нем уверен.

Цзилинь нахмурился и тихо произнес:

— Значит, дело не в демонах.

— Бися, раз рана господина Жуаня не связана с магией демонов, нет нужды спешить, — мягко сказал Минцзин. — Мы вылечим его со временем. Не тревожьтесь, в последние дни я пересмотрел множество древних трактатов и, кажется, начал нащупывать верный след.

Цзилинь отложил кисть и кивнул:

— Хорошо. Благодарю вас, господин Оуян.

— Вы и господин Жуань оказали моей семье великую услугу, это меньшее, что я могу сделать, — Оуян Минцзин поклонился. — Бися, позвольте мне откланяться.

Когда лекарь ушел, Бай Чжу заговорил:

— Бися, вражда между нами и расой демонов длится долгие годы. Они не могли не понимать, что шансы их послов вернуться домой живыми ничтожно малы. Сейчас их единственная опора — Цзян Жун, и всё же Шэнь Фу велел ему охранять Шэнь Ци на пути в столицу. Неужели они и вправду ищут мира?

Цзилинь снова взял кисть и негромко произнес:

— Раса демонов хитра и вероломна. Не смей терять бдительность.

Бай Чжу мгновенно подобрался:

— Слушаюсь!

http://bllate.org/book/17521/1662580